

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ВЫЗОВЫ, УГРОЗЫ И СЦЕНАРИИ

А. Н. Демьяненко¹, И. Ф. Ярулин²,

¹профессор, д.г.н., г. Хабаровск

²Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)

Аннотация. Авторам предпринята попытка проанализировать возможные вызовы и угрозы, которые могут возникнуть в обозримом будущем перед трансграничными регионами Дальнего Востока, а также рассмотрены возможные сценарии их трансформации.

Ключевые слова: Дальний Восток, трансграничные регионы, геополитические вызовы

CROSS-BOUNDARY REGIONS OF THE FAR EAST: CHALLENGES, THREATS, AND SCENARIOS

Demyanenko A.N., Yarulin² I.F.

²Pacific National University (Khabarovsk)

Annotation. The authors made an attempt to analyze possible challenges and threats that may arise in the near future for the transboundary regions of the Far East, and considered possible scenarios for their transformation.

Keywords: Far East, cross-border regions, geopolitical challenges

Введение. В настоящее время в отечественной науке сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, огромное количество публикаций о все возрастающей роли геополитических факторов, определяющих социально-экономическое развитие страны и ее регионов, причем исключительно с позиции, которую можно охарактеризовать словами из песни: «а нам все равно», а с другой – отсутствии сколько-нибудь значимого интереса к тем рискам и вызовам, которые обусловлены действиями геополитических и геоэкономических факторов, как на национальном, так и на региональном уровне.

Именно региональный уровень нас интересует в первую очередь и Дальний Восток (ДВ), который, пожалуй, как ни один другой макрорегион РФ испытывает в настоящее время (и скорее всего, будет испытывать в обозримой перспективе) влияние геополитических факторов на его социально-экономическую динамику, в свою очередь есть все основания предполагать, что от того насколько успешным будет развитие региона в немалой степени будет зависеть успех или неуспех Поворота на Восток.

Материалы и методы. Методология данного исследования достаточно эклектична, это – с одной стороны традиционный для географии инструментарий районирования, с другой – не менее традиционный инструментарий геополитики.

Здесь трудно сколько-нибудь подробно останавливаться на аналитическом инструментарии, как, впрочем, и на анализе источников, поэтому авторы посчитали возможным ограничиться отсылкой к своим предшествующим работам [8, 11,12], в которых приведена и достаточно обширная библиография, включая работы как отечественных, так и зарубежных исследователей. Поэтому в предельно краткой форме сформулируем те положения, которыми руководствовались авторы в своей работе:

Во-первых, ДВ рассматривается нами, как сложная пространственная система, которая не сводима к той или иной единице АД, но которая опираясь на «прочную физико-географическую основу» представляет ансамбль пространств: природного, экономического, социального, политического, то есть социальный конструкт, но не исключительно.

Во-вторых, ДВ обладает рядом специфических черт, среди которых особо следует отметить, что это - трансграничный регион (ТР), в котором трансграничность определяется не только границами природного (аква-территориального), но и социально-экономического и политического характера, в частности, государственными границами²².

В-третьих, процессы районообразования на протяжении всей истории ДВ находились под влиянием геополитических факторов. В конечном счете, в пределах ДВ макрорегиона сформировались ТР, отличающиеся друг от друга не только масштабами, но и внутренней структурой. К этому следует добавить: на протяжении рассматриваемого исторического периода менялось не только количество, но и конфигурация границ ТР самым радикальным образом, то есть процессы «строительства» ТР и их последующая динамика имели явно выраженный нелинейный характер.

Наконец, социоэкономическое пространство ДВ не только отличается разреженностью и многочисленными лакунами, но и ярко выраженной смещением его организующего центра, если в качестве такового рассматривать сервисно-промышленную дугу Благовещенск – Хабаровск – Владивосток²³ или Южную макроэкономическую зону в целом²⁴, на приграничные территории.

Однако было бы большим упрощением сводить все к российско-китайскому сотрудничеству и к трансграничному региону «Северо-Восточный Китай(СВК)-Юг ДВ». На самом деле на протяжении всей истории ДВ были и другие акторы и другие локации в пределах которых имело место реализация трансграничного сотрудничества. Речь идет в первую очередь о российско-американском сотрудничестве в трансграничном регионе Берингия и о российско-японском сотрудничестве в трансграничном регионе от Хоккайдо до побережья Камчатки. С известной долей условности в этом ряду можно рассматривать и российско-корейское сотрудничество, которое в свое время играло существенную роль в освоении приграничных территорий на юге Приморья²⁵.

Результаты и их обсуждение. Когда мы говорим о ТР, то мы имеем в виду, следующее: это – пространственная система (степень ее сформированности или зрелости – другой вопрос) отличительным свойством которой является сам факт государственной границы, что в свою очередь предполагает (как минимум) наличие двух территориальных образований по обе стороны границы и это – необходимые условия возникновения трансграничного региона, а вот сотрудничество между приграничными территориями (двух и более стран), это – достаточное условие. По этой причине в настоящее время и это важно подчеркнуть необходимые и достаточные условия выполняются только для трансграничного региона «СВК-Юг ДВ», по остальным трансграничным регионом можно сказать: они были и может быть будут, но вряд ли в обозримом будущем. Что еще по-нашему мнению следует упомянуть, коль речь зашла о природе трансграничных регионов? Во-первых, следует упомянуть о том, что границы этих регионов отличаются высоким уровнем динамизма и проницаемости. Во-вторых, любой ТР это – не только вписан в национальные пространства, то есть взаимодействует с другими регионами, но одновременно он выступает в качестве структурного элемента трансграничных пространств²⁶. Есть и другие подходы к выделению трансграничных территорий²⁷, но можно выделить и нечто общее, когда речь идет о

²² По большому счету трансграничные регионы, это – все те же контактные структуры. См., например, [4-6].

²³ Концепт «промышленно-сервисных дуг» дуг был предложен П.А. Минакиром [18].

²⁴ Обоснование макроэкономического зонирования ДВ дано в: [9]

²⁵ См. также материалы круглого стола «Трансграничные регионы Дальнего Востока» [8].

²⁶ Более детально этот вопрос освещен в: [11].

²⁷ Так П.Я. Бакланов [2] выделяет следующие геополитические сегменты, которые отчасти или полностью связаны с ДВ, это – Арктический (США, Канада), Тихоокеанский (Япония, США), Российско-Корейский и Российско-Китайский, то есть речь идет об анализе трансграничности на

трансграничности и ДВ, это – признание того факта, что трансграничность является важным фактором регионального развития²⁸.

Теперь, когда с объектом исследования мы более или менее определились, как и принципиальными подходами к его исследованию остановимся более подробно на собственно геополитическом контексте, который в конечном счете формирует вызовы и угрозы для трансграничных регионов ДВ. Но, прежде, сформулируем несколько соображений общего порядка. Итак, интерес к геополитическим проблемам закономерно возрастает в переходные исторические эпохи. Во времена социальной стабильности геополитические процессы фиксируются в заданных границах с учетом сложившейся ситуации. Однако в периоды политической трансформаций стабильность нарушается, отношения между государствами и центрами силы и центрами согласования интересов пересматриваются. В указанных условиях пересматриваются концепции геополитики и модели модернизации.

На смену господствовавшим моделям долгое время модернизационным моделям вестернизации и догоняющей модернизации приходят национальные и межцивилизационные модели модернизации. Речь о моделях взаимодействия между цивилизационными мирами уже не самостоятельными и не изолированными друг от друга, но взаимодействующими и претерпевающими модификации²⁹.

Модернизация рассматривается современными исследователями скорее, как эндогенно-экзогенный процесс. Подобный подход существенно отличается от классического, в рамках которого ученые анализировали преимущественно внутренние переменные, такие как социальные институты и культурные ценности. Больше, чем прежде, внимание внешним, международным факторам, глобальному контексту [35].

Однако, если анализ ограничить только глобальным уровнем, то есть отказаться от поиска национальных или региональных моделей, то ответы на «внешние вызовы» будут носить спонтанный и малопродуктивный характер. Поэтому актуальны геополитические исследования и конкретизация тенденций и перспектив развития России и ее регионов.

К настоящему времени среди исследователей сложилась определенная и работавшая в недавний период времени схема взаимодействия ДВ России с соседним азиатским миром. Главным макрорегиона является его «...экономико-географическое положение в непосредственной близости к самому большому в мире и быстро растущему рынку Азиатско-Тихоокеанского региона», а также «ключевое расположение в естественном транспортном коридоре между Азией и Европой [14]. Сегодня же есть все основания посмотреть, работает ли эта схема.

Прежде всего это относится к взаимоотношениям с Китаем, так как от состояния отношений между Китаем и Россией, во многом будет зависеть весь ход политических процессов, по крайней мере, в пределах Евразии. Однако можно с уверенностью сказать, что на характер китайско-российских отношений объективно оказывает, и будет оказывать влияние их историческое прошлое. С позиций сегодняшнего дня невозможно дать гарантий того, что наблюдаемая в настоящее время тенденция российско-китайского политического сближения сохранится в перспективе. Прежде всего, потому, что отношения между Китаем и Россией имеют крайне неоднозначное историческое наследие. Этапы сближения двух держав чередовались с этапами резкого охлаждения (если не обострения) отношений [12].

макроуровне. В другой работе П.Я. [3] в рамках Северо-Тихоокеанского трансграничного пространства выделяет трансграничные регионы (бассейны) – Чукотский, Берингоморский, Охотоморский, Япономорский и Амурский.

²⁸ Помимо уже упоминавшийся работ П.Я. Бакланова, следует отметить [6,7].

²⁹ См. подробнее: [13,20].

Конечно же, отношения с КНР – несмотря на всю их значимость – не отменяют взаимодействия с другими государствами Евразии. Как справедливо отмечает В. Ларин, «Восточная Азия или, оперируя модными ныне терминами, Восточная Евразия стоит на пороге существенных изменений как своего места в мировой политической и экономической системе, так и характера внутрорегиональных связей. Четыре великих державы, считающие этот небольшой по площади регион сферой своих жизненных интересов, – Китай, Россия, США и Япония – никак не найдут приемлемую платформу для превращения его в зону мирного и стабильного развития» [16, с.41].

Представляется, что в обозримом будущем Китай будет стремиться прежде всего к тому, чтобы добиться преобладающего влияния в граничащих с ним странах и регионах, и не допустить использования соседних стран для сдерживания и изоляции Поднебесной. Основные методы, которыми Пекин пользуется в своей политике, это провозглашаемые им принципы невмешательства во внутренние дела соседних стран (что представляет определенный контраст с западными подходами) и активное вовлечение этих стран в экономический обмен с КНР. Несмотря на то, что иерархия региональных приоритетов КНР сравнительно стабильна и основные интересы сосредоточены в Восточной Азии, откуда исходят в настоящее время основные угрозы безопасности страны, в определенных условиях возможен если не пересмотр, то некоторая корректировка политики Китая и возникновение более сбалансированного подхода к проблемам на региональном уровне.

РФ, напротив, радикальным образом меняет вектор своей внешней политики. В Концепции внешней политики констатируется беспрецедентный за последнее десятилетие уровень международной напряженности. Признается экзистенциальный характер угроз безопасности и развитию нашей страны, создаваемых действиями недружественных государств.

В документе среди прочего РФ называется «государством-цивилизацией», оплотом Русского мира и одним из суверенных центров мирового развития. В Концепции отмечается, что РФ выступает «в качестве одного из суверенных центров мирового развития и выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы, обеспечению условий для мирного, поступательного развития человечества на основе объединительной и конструктивной повестки дня [Концепция].

Здесь невольно вспоминается известная фраза Л. Пая, что в настоящее время Китай – это «цивилизация, притворяющаяся государством» [33, с.1162]. В случае же с современной Россией мы имеем дело скорее с государством притворяющимся цивилизацией.

Таким образом, на сегодняшний день вновь значимым становится анализ процессов взаимодействия цивилизаций в контексте новых геополитических и геоэкономических реалий. И в этой связи будет уместным вернуться к истокам, в частности к работам А. Тойнби [21,22] и С. Хантингтона [23].

Очевидно, что перед Россией сегодня возникает вопрос, подобный тому, который в свое время А. Тойнби адресовал цивилизации Запада: «Предстоит ли нам процесс упадка и распада как некий неизбежный рок, от которого ни одной цивилизации не уйти?».

Опираясь на методологию Тойнби, можно прийти к выводу, что данная концепция может применяться к межцивилизационным взаимоотношениям во всем их многообразии. Понятия цивилизации отчетливо представлены в определении С. Хантингтона: «Цивилизация – это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит. Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы цивилизации» [23, с.34].

В 2015 г. вышла книга нового последователя Дж. Маккиндера — Тима Маршалла — «Узники географии» [31], в которой проводится мысль о том, что нынешние события на мировой арене, обернувшиеся серьезным обострением отношений между Западом, с одной

стороны, и Россией с Китаем — с другой, во многом обусловлены именно спецификой их географического положения, а не ошибками или личными амбициями тех или иных лидеров.

Дальневосточные территории России исторически находились в крайне уязвимом положении, что можно считать геополитической аксиомой. Однако Дальний Восток остается частью России. А сильная Россия, в свою очередь, это гарант безопасности и стабильности Дальнего Востока, это возможность превратить геополитический вызов в геополитическое преимущество.

Геополитика сегодня, это система взаимодействия ведущих мировых цивилизаций. Это значит, что основные геополитические риски для России и для ДВ происходят и будут происходить из существа отношений ведущих цивилизаций мира.

Для Дальнего Востока России наиболее существенными являются следующие вызовы:

- риски нарастания противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в отношениях между США и КНР, что делает обстановку в этом макрорегионе мира взрывоопасной;

- угрозу возможного нанесения ударов ограниченного масштаба со стороны войск США по северокорейским ядерным объектам, что имело бы катастрофические последствия для Приморского края и всего ДВ России;

- угрозу территориальных притязаний ряда сопредельных государств и связанная с этим возможность конфликтов и инцидентов на государственной границе России;

- разделенная Корея, что служит потенциальным источником военного конфликта;

- Китай – Тайвань: борьба Пекина за воссоединение родины;

- угроза со стороны ряда государств за контроль над СМП [1, 15, 26].

Понятно, что данный перечень угроз и рисков не является исчерпывающим. Рассмотрим ситуацию в Тихоокеанской Арктике, которая в последние годы, это – не только место встречи интересов США и РФ, но и КНР³⁰.

Однако одна из целей американской «северной доктрины»³¹ - контролировать канадский маршрут, а российский - сделать «общим». Кроме того, Северный морской путь важен для США и как средство давления на Россию, так как для России это не только международный логистический коридор, но и внутренняя транспортная артерия. То есть Берингов пролив, как и «Берингия» в целом, становится ключом для разрешения всего Арктического вопроса.

К сожалению, в последнее время ухудшились взаимоотношения с еще одним соседом России по АТР – Японией, что опять-таки имеет непосредственное отношение к ДВ. 21 марта 2022 г. российский МИД объявил о прекращении переговоров с Японией по мирному договору. Кроме того, российская сторона прекратила безвизовые поездки японских граждан на Южные Курилы, а также остановила диалог о налаживании совместной хозяйственной деятельности на островах. 5 сентября 2022 г. Россия вышла из российско-японских соглашений 1991 г. и 1999 г. об облегчении посещения южных Курильских островов японскими гражданами – бывшими жителями этих островов.

В Японии решение РФ прекратить переговоры по мирному договору вызвало протест. Глава МИД Ё. Хаяси заявил о несправедливости и недопустимости «перекладывания ответственности» на японскую сторону. Более того, в последние годы в японском обществе актуализируется запрос на «пересмотр» итогов Второй мировой войны и статуса Японии как пораженной в правах «проигравшей нации» [24], а, следовательно, и запрос на пересмотр геополитического положения Японии.

³⁰ Напомним, что в июне 2017 г. инициатива Пекина «Один пояс – один путь» была дополнена новым направлением «Ледовый шёлковый путь» или «Полярный шёлковый путь».

³¹ Анализ доктрины в [17, 32].

Выводы. Нынешняя международная обстановка в АТР, частью которого является ДВ отличается высоким уровнем не только динамизма, но и неопределенности, это ставит на повестку разработку геополитической концепции развития ДВ России.

По-нашему мнению, такая концепция должна учитывать не только специфику ДВ в системе международных отношений в АТР, но и учитывать разнообразие дальневосточных трансграничных регионов, как реальных, так и потенциальных. Это – во-первых.

Во-вторых, концепция должна опираться на результаты систематических научных исследований интеграционных (и дезинтеграционных) процессов не только на макрорегиональном, но и на региональном (а, возможно, и на локальном) уровнях в пределах ДВ и территорий сопредельных стран. Причем такого рода исследования по причине сложности и многоаспектности объекта исследования должны иметь междисциплинарный характер.

В-третьих, исходя из признания того факта, что геополитическая ситуация отличается высоким уровнем турбулентности в исследовательский фокус следует поместить вопросы мониторинга, анализа и прогнозирования вызовов и угроз, с которыми сталкивается или может столкнуться РФ и его Дальневосточный макрорегион в АТР. При этом следует иметь в виду, что угрозы связаны не только с обеспечением экономической безопасности, но и безопасности пространственных социально-экономических систем, сложившихся или складывающихся в пределах ДВ, в том числе (а, возможно, и в первую очередь) трансграничных регионов.

Но, анализ современной ситуации в международных отношениях, подводит к еще одному выводу, который можно сформулировать следующим образом: в условиях турбулентных сред (как в стране, так и за ее пределами) и институциональной неопределенности вряд ли возможно говорить о каком-то одном сценарии относительно будущих состояний ТР ДВ³².

Если принять, что в обозримой перспективе геополитический фактор будет определять масштабы и структуру ТР, то можно сформулировать, как минимум, два принципиально отличных друг от друга сценария (что не только отменяет появления многочисленных «промежуточных» стратегий, а скорее, их предполагает).

Первый, исходит из того, что существующий режим санкций сохранится (а, скорее всего будет ужесточен), то на ДВ остается только один ТР «СВК-Юг ДВ»³³. При этом следует иметь в виду, что рост напряженности между США и КНР, на фоне проблем в экономике КНР³⁴, а также угроза вторичных санкций в отношении китайских фирм и банков, будет создавать дополнительные сложности.

В экономике можно ожидать увеличение удельного веса неформального сектора и самозанятости населения; уход из экономики крупных китайских компаний и западных ТНК, несомненно, приведет к увеличению удельного веса малых и средних предприятий, не только в сервисных, но и в производственных отраслях. Ожидать в этот период возобновления, а тем более, появления новых масштабных инвестиционных проектов, маловероятно.

По изложенным выше причинам, приоритетное значение приобретает приграничная торговля, при максимально возможном вовлечении в нее представителей малого и среднего бизнеса.

По прошествии периода адаптации к внешним шокам можно ожидать, снижение уровня неопределенности, стабилизацию экономики и даже более или менее умеренный

³² О состоянии регионального стратегического планирования [19, 25].

³³ Напомним, что к режиму санкций присоединились не только США, но и Япония и Республика Корея.

³⁴ См., например, [27-29**].

рост; скорее всего темпом 1-2%, то есть темпом, который имел место в 2014-2018 гг. При этом, следует иметь в виду, что динамика экономики дальневосточного региона будет определяться не только геополитическими факторами, но и конъюнктурой на рынках товаров дальневосточного экспорта Китая и в первую очередь СВК.

Если же рассматривать положение в других сферах российско-китайского сотрудничества, то есть основания предположить, что в социально-культурной сфере удастся сохранить достигнутый уровень сотрудничества.

В первую очередь речь идет о совместных исследованиях трансграничных природных экосистем в бассейне Амура с целью выявления их природно-ресурсного потенциала и/или предотвращения опасных природных процессов и явлений³⁵, а также комплексных исследований этнических групп, проживающих по обе стороны границы, организация археологических экспедиций и т.д.

Другое направление сотрудничества в социально-культурной сфере – обмен студентами и преподавателями ВУЗов, а также обмены музыкальными и театральными коллективами, выставками и т.п.

Еще одно направление, которое достаточно быстро может выйти на уровень, предшествующий пандемии, это – туризм. Конечно, отчасти это будет туризм «челноков». Тем не менее, в региональных столицах юга ДВ во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске уже в настоящее время создан необходимый минимум инфраструктуры туризма. Что же касается СВК, то в его пределах существует как минимум несколько аттракторов для массового турпотока из пределов ДВ макрорегиона.

Второй сценарий: режим санкций будет отменен или существенно ослаблен (скажем, до уровня 24.02.2022 г.). Но и в этом случае, трудно представить, что это будет одномоментный акт. Поэтому и в этом случае потребуется период адаптации к внешним шокам. Помимо всего прочего потребуется время, чтобы восстановить хотя бы приемлемый уровень доверия и преодолеть репутационные издержки. Поэтому говорить о ТР Берингия и ТР Хоккайдо-Камчатка в обозримом будущем не приходится, что не отменяет целесообразности усилий по выстраиванию диалога на региональном уровне, возможно, первоначально в форме научных обменов и кросс-культурных культурных взаимодействий.

Что же касается ТР «СВК-Юг ДВ», то в рамках второго сценария следует ожидать развитие приграничной торговли, возможно появление инвестиционных проектов; то же справедливо и в отношении въездного туризма из КНР.

Наука и (высшее) образование вряд ли имеет шансы на развитие, в лучшем случае, российско-китайские отношения в этой сфере останутся на нынешнем уровне.

Литература

1. Авдои Д. Т. Геополитические вызовы и риски национальной безопасности Российской Федерации на Дальнем Востоке // Власть. 2021. № 4. С. 72-79.
2. Бакланов П.Я. Геополитический периметр России: европейские и азиатские сегменты // Современная Евразия: общественно-географический анализ. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. С. 13-15.
3. Бакланов П.Я. Геополитические факторы в региональном развитии // Таможенная политика на Дальнем Востоке России. 2020. № 4. С. 75-83.
4. Бакланов П.Я. Контактные географические структуры и их функции в Северо-Восточной Азии // Известия РАН. Серия географическая, 2000, № 1. С.31-39.
5. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. 141 с.

³⁵ О трансграничных экосистемах и природопользовании в бассейне Амура: [10].

6. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.
7. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Тихоокеанская Россия в геополитических структурах Евразии // Вопросы географии. 2019. № 148. С. 194-209.
8. Барбенко Я. А., Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Леонтьева Э. О., Мишина Н. В., Украинский В. Н., Ярулин И. Ф. Трансграничные регионы Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 73–84.
9. Вишневецкий Д.С., Демьяненко А.Н. Макроэкономическое зонирование как метод стратегического анализа: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2010. № 4, С.6-31.
10. Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX-XXI веков: в 3 т. Т.2. Природные ресурсы и региональное природопользование. Владивосток: Дальнаука, 2010. 560 с.
11. Демьяненко А. Н., Клиценко М. В. Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 80–94.
12. Демьяненко А.Н., Ярулин И.Ф., Бурик М.В., Клиценко М.В. Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях: региональное измерение: препринт научного доклада. – М.: Институт Китая и современной Азии, 2022. 70 с.
13. Ито Ш. Схема для сравнительного исследования цивилизаций // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 345-354.
14. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229.
15. Ланко Д. А. Представления о региональной структуре мира как геополитика периода конца XX – начала XXI века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 2(30). – С. 33-41
16. Ларин В. Новая геополитика для Восточной Евразии. Тихоокеанская Россия снова на периферии // Россия в глобальной политике 2018. № 5. С.41-54.
17. Милошевич З. Арктика и новая «Северная доктрина» США // ИноСМИ 15.10.2019.
18. Минакир П.А. Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // Пространственная экономика, 2005. № 4. С.5-20.
19. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Региональное сценарное прогнозирование // Федерализм. 2012, № 1. С.29-44.
20. Побережников И.В. Диффузия, цивилизация, модернизация: теоретические аспекты // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: материал. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2009. С. 26-28.
21. Тойнби, А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. Т.1-2. - М.: АСТ, 2009.
22. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. М.: Рольф, 2001. 640 с.
23. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603с.
24. Чугров С.В. Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 22-45.
25. Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (часть 2): от общего к частному // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 6. С. 69–80.
26. Ярулин И. Ф. Российский Дальний Восток: геополитика, геостратегия, геоэкономика, геополитические риски // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 2(30). С. 28-32.

27. China hits back against Western sanctions //The Economist 23.07. 2023.
28. Jennings R. China GDP: annual forecasts cut to below Beijing's target due to weak exports, property crisis //South China Morning Post 11.09, 2023
29. Kinling Lo China's economy shows no bright spots in July, calls for stronger action to ease property woes and boost spending //South China Morning Post 15.08.2023.
30. Macklin D. Why China Isn't Pulling the Stimulus Trigger / The Diplomat August 22, 2023
31. Marshall T. Prisoners of Geography: Ten Maps That Tell You Everything You Need to Know About Global Politics – L.; Elliott & Thompson. 2015. - 346 p.
32. Nash S. U.S. Arctic Messaging in an Era of Renewed Great Power Competition //NAADS, Policy Brief, 18.11. 2019
33. Pye L. Social Science Theories in Search of Chinese Realities // China Quarterly. 1992. № 132. P. 1161-1170.
34. Rachman G. China, India and the rise of the 'civilisation state' // Financial Times 04.03.2019
35. Robertson R. Interpreting globality // Globalization: Critical concepts in sociology / Ed. by Robertson R. and White K. Vol. 1. L.; N.Y.: Routledge, 2004. – P. 86–94.
36. Shagina M. Has Russia's Pivot to Asia Worked? Russia's pivot to Asia is instrumental for offsetting Western sanctions / The Diplomat January 10, 2020
37. Siyan Nan, Jiayao Liu, and Jia Yuxuan ACTUAL youth unemployment rate in China could be twice as high as official number // The East is Read 31.07. 2023.
38. Sonnenfeld J.A. The Russian Oil Price Cap Can Work Again //Yale Insights 13.10.2023